

Алексей Алексеевич
Ратушный

**Избранная
проза**

Самое-самое

Алексей Ратушный

Избранная проза. Самое-самое

«Издательские решения»

Ратушный А. А.

Избранная проза. Самое-самое / А. А. Ратушный —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509055-3

Эти произведения создавались мною в разные периоды жизни и в разных внешне обстоятельствах. Кроме одного. Каждый раз я писал с пониманием, что любой выход на улицу может стать именно последним.

ISBN 978-5-00-509055-3

© Ратушный А. А.
© Издательские решения

Содержание

Авто био графия	6
I am staff!	7
Гибель четвёртой торцовки	12
1	13
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Избранная проза Самое-самое

Алексей Алексеевич Ратушный

© Алексей Алексеевич Ратушный, 2019

ISBN 978-5-0050-9055-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Авто био графия

Родился в 1952 году в декабре месяце на Колыме. В день рождения за окном было тепло: жалких минус тридцать три градуса. За неделю до рождения и три недели после за окном были нормальные минус сорок пять-минус пятьдесят. Был положен под форточку в первые минуты жизни и сразу заболел туберкулёзом бронхов. Чудом выжил. Когда конвоир нёс меня – почти трупик – в сугроб, мама поставила ему штык лопаты к горлу. Когда умер Сталин я пошёл на поправку. Потом в военном госпитале у нас – гулаговских младенцев – откачивали спинной мозг. Три года в судорогах и парез лицевого нерва. Искривление лица на всю жизнь. Пятнадцать воспалений лёгких. За печкой и в больницах всё детство. Теперь вот пишу.

Публикуюсь в областной печати с 1968, во Всесоюзной с 1974. Первые публикации – как юморист. Снят в полочном фильме «Тайное голосование»

Открыл «Мерцающие шахматы» и тысячи других игр. Разработал вновь «Чатурангу», гадал на судьбу России по ЦТ. Всё сбылось.

I am staff!

Я не знаю, кто я!
Мы идём по улице засыпаемой мелким мокрым липким снегом, продуваемые холоднущим сильнейшим ветром.
На дворе самый конец марта.
Нас двое.
Я – это я.
Алиса – это не Алиса.
Я не знаю кто она.
Я знаю только, что сейчас я ничего не могу ей объяснить.
Я не знаю, кто я.
Но мне плохо!
Мне очень плохо!
Так плохо мне не было никогда.
Я ничего не могу поделать с этим.
Я просто выполняю указание того, на кого никак не могу повлиять.
Никак.
Алиса бежит впереди меня.
Она безгранично мне доверяет.
Она абсолютно мне верит.
Она не может мне не верить.
До сих пор со мной у неё было связано только всё самое приятное и самое хорошее.
Она была чертовски голодна.
Из моих рук она съела всё моё мясо.
Ей было жутко зябко.
Я привёл её в дом, где было мягко, уютно, просторно и тепло.
Её до сих пор в основном тупо игнорировали.
Я привёл её в дом, где ей, похоже, все были рады.
И вот теперь я вёл её по улице, как бы погулять, прочь от этого прекрасного, тёплого, уютного дома!
Она беспрекословно пошла со мной.
Без поводка.
Без привязи.
Без условий.
Просто бежит радостная впереди меня, забегая иногда то в один сугроб, то в другой.
Мы идём в сторону ближайшей деревни, по улицам городка, и я пытаюсь дозвониться то в одни, то в другие красивые ажурные, дорожные ворота.
Она не знает, зачем я звоню в эти ворота.
Она просто полностью доверяет мне.
Ей кажется, что я тот, кто и был ей нужен с самого начала.
Но я – не тот!
Я не знаю, кто я!
Погода на улице мерзкая.
Это та самая погода, про которую говорят:
– В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит!
Я – не хозяин.
Но именно вот это сейчас и делаю.

Выгнал собаку на улицу и готовлюсь оставить её навсегда одну.

Я не в состоянии объяснить ей, что сделал для неё не всё, что мог.

Что сделал для неё гораздо больше чем мог.

Что в ситуации, когда я сам без гроша, без дома, без своего собственного угла, без малейшей надежды обрести всё это смог дать ей мясо, предоставить теплое убежище, мягкий диван, много корма и улыбки таких умных, таких добрых, таких ласковых людей, мне не в чем себя упрекнуть. Я дал ей такую прекрасную передышку от того ужаса, в котором она оказалась! Дал ей такой потрясающий шанс выжить вопреки всему!

Но она не знала, что всё это призрачное счастье можно обрести только при одном условии – упасть где-то на одном месте и часа четыре просто поспать! Просто никому не мешать и не попадаться лишний раз на глаза! Но как ей объяснить всё это?

Её пытались укрыть в тайном помещении. От тех, кто не должен был её видеть и слышать.

И тут она стала скулить, плакать, бросаться на двери!

Ей пытались приобрести цепь, чтобы посадить на неё и тем самым спасти. Но цепи нигде в округе не нашлось. И тут появился самый главный самый добрый самый ответственный Человек и отдал прямой приказ:

– Уведи её отсюда немедленно.

Я не знаю, кто я!

Я здесь – в гостях.

Если бы она притаилась на несколько часов, если бы только она умела притаиться, она имела бы здесь больше прав, чем я.

Там был еще один, тоже в гостях, который хотел взять её к себе. Но он такой же как и я бездомный бесправный гость, без вида на собственный уголок в этом мире.

Пока не пришёл Главный её все гладили, ласково разговаривали с ней, заигрывали, поили и кормили. А она валялась на диване, бегала по дому, играла, и регулярно подбегала ко мне и совала мне в руки свой благодарный счастливый нос. Как я не объяснял ей, что вот они – её новые благодетели, а я лишь передаточное звено, случайный элемент цепочки... Она всё равно чётко выделяла меня. Ведь это я забрал её из автобуса и привёл сюда. В свет. В тепло. В счастье.

Я оделся и позвал её за собой.

И она пошла!

Сразу!

Беспрекословно!

Абсолютно доверяя мне, тому кто её так быстро и так легко приручил, используя всего навсего случайную цепь привходящих обстоятельств.

Всё кончается однажды.

На этот раз цепь удачных совпадений оборвалась сразу и навсегда.

Мы идём по мокрому липкому водно-снежному покрову ледяной от холода улицы, по её свеженаметённым сугробам.

Я звоню то в одну, то в другую, жутко дорогую, узорчатую дверь.

Иногда мне отвечают, но услышав просьбу приютить её хоть на пару дней отвечают жёстким отказом.

Иногда нас посылают сразу далеко и жёстко.

Я не в силах объяснить ей, что мир жесток.

Что она действительно опасна для окружающих людей.

Что её родственники – дальние и близкие – немало сделали для того, чтобы сейчас ей все отказывали.

Она очень открыта, прямолинейна, абсолютно доверчива и дружелюбна.

Она видимо воспитывалась там, где людей бывало много и где все её – щенка еще – ласкали и гладили.

Она откровенна и бесхитростна.

Если ей плохо, она сразу сообщает об этом.

Она бегала по автобусу от одного пассажира к другому и заглядывала всем в глаза.

Она откровенно просила еду!

Она откровенно хотела пить.

Она очень устала и замёрзла.

Она садилась только на кресла, она не ложилась на пол.

Она очень ухожена, уши правильно и своевременно купированы, она вычесана, на ней ошейник. Она прекрасно знает команды «Сидеть!», «Фу!», «Лежать!», «Ко мне!».

Она четко понимает всё, что я ей могу сказать жестами.

Но я ничего толком не могу ей объяснить.

Что я уже вырвал ей трехчасовую передышку.

Что она уже и поела и погрелась, и попила, что теперь ужас возвращается, и последнее, что я мог сделать для неё – это рассказать о ней другим людям.

Но и в этом я мало что могу.

Мне нельзя ходить в Интернет там, где я был в гостях.

Я тайком пробрался в Интернет с чужого компьютера, по пиратски залез на свою страничку и вывалил туда в считанные мгновения фото и короткий рассказ о ней.

Дал свой мобильный и надеялся: «А вдруг?»

Но я не могу объяснить ей, что такое модератор, и почему он может не пропустить материал «в свет».

Время шло, а, как потом выяснится, публикация та так и не попала в «эфир». Сказали, что это другая рубрика.

А когда я беспрекословно сменил «рубрику», материал всё равно не увидел света. Теперь его просто «забыли» промодерировать. И в рубрику загнали такую, где никто её толком не увидит. Видимо «там» решили, что и материал о ней опасен читающей публике не меньше, чем она сама.

Но это всё случится уже позже.

Пока я надеюсь, что материал опубликован, что кто-то нужный чудом прочтёт о ней и поможет распространить информацию дальше. Что вдруг зазвонит на моей шее мобильный и из трубки назовут её имя и расскажут о том, что с ней случилось.

А пока мы идём по длинной длинной, улице городка, и я всё звоню и звоню в эти такие благополучные, такие тёплые, такие добротные особняки. Мы заходим в домики охраны, и я пытаюсь пристроить её хоть на пару суток, пока откликнется Интернет. А вдруг...

Но сегодня это волшебное, это великое «а вдруг» не срабатывает.

А вдруг просто не происходит.

Я сам стал ненадолго её «а вдруг» в автобусе, где она откровенно погибала.

Такая доверчивая, прямолинейная, открытая.

В автобусе, где она, съев мясо из моих ладоней, положила мне лапы на колени и стала плакать, рассказывая о том, как ей холодно и голодно в это жуткое время, когда хороший хозяин...

Я не мог рассказать ей об Антуане де Сент Экзюпери, и о том, почему мы в ответе за тех, кого приручили.

Всё что я смог для неё сделать – это дать ей немного чужого тепла и уюта, чужой воды и дивана. Познакомил с теми, кто в общем-то мог бы её пожалеть и спасти....

Но она не умела таиться, она не умела хитрить и прятаться.

И теперь мы идём по улице и непоправимое уже наваливается на меня всё быстрее и быстрее. И я беспомощен и бесправен. И уже ничего не могу ей ни объяснить, ни дать.

Я только знаю, что я и сам как она.

Что я и сам вот так же ношусь по автобусу бесприютной бездомной жизни, и также не умею ни хитрить, ни прятаться, ни таиться.

И потому мы с ней в общем-то очень похожи друг на друга, и понимаем друг друга потому, что у нас одна судьба, одна доля – быть обманутыми и выброшенными на улицу.

Вот мы идём вместе по одной улице, и она просто безгранично доверяет мне, а сзади уже подкатывает, подкатывает джип, в котором сидит тот, кто всё правильно знает и всё правильно совершает.

И мне не в чем его упрекнуть. Он – Хозяин. Он тот, кто однажды дал мне кусок мяса со своей руки и иногда позволяет мне отдохнуть на своём диване.

Он садит меня в машину и я знаю, что этот миг мне будет сниться до конца моих дней.

Я закрываю дверку, но она бежит параллельно с нами и засовывает морду между створкой и кузовом, её преданный счастливый нос рвётся за мной, в тепло. Она безгранично верит мне и не может подумать, даже мысли не допускает, что я могу оставить её одну на этой чужой, холодной пустынной улице. Я чуть-чуть приоткрываю дверку, он прибавляет ход, на мгновение нос оказывается немного сзади створа и я закрываю дверцу. Всё! Она не сможет понять, что надо мной висит гигантский колокол угроз и обязательств. Что мои дети ничем не провинились перед ней, что я давно, гораздо раньше, чем она родилась, приручил навсегда кого-то другого. Но это всё – во мне. А в ней только непонимание и удивление. Она не верит! Она не понимает и не может понимать.

Машина со мной набирает ход. Она бросается за нами, всё ещё не веря, что я предал её, такую доверчивую, открытую и абсолютно беззащитную.

Она бежит, а он всё делает правильно и не едет слишком быстро, увозя её всё дальше и дальше от своего, такого гостеприимного дома.

Да!

Она реально опасна для детей.

Да.

Ей нельзя там было оставаться без привязи.

Да.

Кто-то предал её гораздо раньше, привёз сюда, в этот крошечный городишко и бросил погибать от холода и голода на улице.

Да.

Я сделал больше чем мог.

По сути теперь меня здесь не будут пускать ни к компьютеру, ни к дивану.

Я потерял этот дом навсегда.

Этот маленький оазис тепла и света, горячего чая и возможности глянуть мельком почту.

Собственно ей я отдал практически всё.

Но я не в состоянии был сказать ей всё это словами.

Слова здесь были абсолютно бессильны.

И потому теперь я сижу в тёплой машине, а она, бедняжка, бежит за нами изо всех сил и удаляется, удаляется, удаляется...

Там в автобусе она посмотрела мне в глаза и своим взглядом вскрыла мне грудную клетку и порвала моё уставшее уже биться сердце.

Теперь оно разрывается всё сильнее и сильнее, всё во мне горит от нестерпимого стыда за себя, несуразного, беспомощного, открытого, откровенного, так и не сумевшего так организовать свою собственную жизнь, чтобы иметь возможность реально помочь хотя бы одной бездомной собаке обрести счастье.

Я так и не узнал её имя.

Мы звали её в эти три счастливых часа «Алиса» но было очевидно, что она – не Алиса, и теперь было совершенно ясно, что этот «дом чудес» вовсе не был домом чудес.

И вдруг я осознал!

Вот эти три часа с ней и были моей счастливой— самой счастливой моей жизнью на Земле.

Мне ещё раз позволили быть «человеком», «великим», «добрым», «магом», «волшебником», а теперь счастье, отпущенное мне Богом в этой Игре, закончилось и мне строго указали на моё реальное место у коврика в самом грязном углу коридора.

И всё, что было у меня на свете – это возможность подарить ей немного мяса и тепла... а на самом деле это и было счастье. Вот такие три часа счастья.

А теперь она неслась по мокрому снегу за машиной, а я, так и не понявший, кто я на этом свете, сидел в автомобиле и не смел пикнуть.

И вдруг мне нестерпимо сильно захотелось вырваться из этой теплой кабины в этот снег. В этот мокрый липкий снег, в этот пронизывающий ветер и остаться на этой улице! Захотелось дать ей возможность подбежать ко мне и лизнуть меня в лицо! Захотелось признаться ей, что я люблю её вот такую открытую, честную, бесхитростную, преданную и брошенную и не променяю этот наш последний миг на Земле ни на что на свете. Я судорожно вцепился в рычаг для открывания двери.

– Притормози, – хрипло сказал я. – Я выйду.

Но за рулём сидел тот великий Человек, который всегда и всё делал исключительно правильно.

– Не дёргайся. Алексей! – сказал мой водитель, – я заблокировал двери. Нам пора!

И машина резко увеличив скорость повернула за угол и унесла меня прочь от этого кошмара.

Но из себя не выбежать.

Себе не простить.

Я просто обнадёжил её, не имея на это права.

Я оказался в итоге тем, кто я есть на самом деле. Никем.

Впрочем я узнал её породу в Интернете. И полное её наименование – мне не выговорить! – и короткое. И совсем короткое.

И теперь, идя по холодной улице, я знаю, кто я.

Гибель четвёртой торцовки

Архангельску.
Геннадию и Алексею Кремлёвым.
Володе Лисицыну.
Павлу Зарубину.
Борису Артемьевичу Радевичу...
И всем лесопильщикам города...

Эту книгу я мечтал написать тридцать лет...

Всё не было времени... Пишу... Спешу...

Это – самое главное, что я хотел написать в своей жизни...

1

Наш ансамбль готов. Мы будем сегодня исполнять свой главный танец: танец с досками. На четвёртой торцовке второго цеха СЛДК. В нашей группе три исполнителя. Точнее один исполнитель и две исполнительницы. Меня зовут Алексей. Их зовут Тоня и Оксана. Мы – сыгранная группа. Мы – лучшие на торцовке и лучшие в цехе. Поговаривают, что и в первом цехе такой группы нет. Мы уже год танцуем и играем вместе. Каждый в своём месте. Но слаженность работы обеспечивается именно мастерством всех трёх исполнителей. Мои партнерши – как на подбор. Невысокие. Худенькие. Похожи чем-то на Люду Брагину. Танец – дело тонкое и крайне продолжительное – семь с половиной часов с крошечным перерывом на смену постава. Во время этого перерыва можно и перекусить и малёха поспать. Мы профессионалы. Пять минут едим и пятнадцать спим. Спим как убитые. А потом воеет сирена и мы поднимаемся, профессионально протираем глаза влажными платками и снова начинаем свой смертельно опасный танец.

Вы конечно видели канатоходца, который по канату идёт над пропастью. Без страховки. Он рискует головой каждый миг. Целых две минуты. Балансируя по самому краю.

Рядом с Тоней вращается огромная торцовочная пила. За тысячные доли секунды она может отхватить ей и руку и голову. Пила не понарошечная. Пила жуткая, страшная, с зубьями заточенными так, что толстенная доска распиливается ею легко, как кусочек масла ножом. В руках у Антонины крючок. Крючок – это основной инструмент в нашем танце. Это кусок стали особой формы, тщательно выпиленный из канадской – лучшей в мире – пилы.

Крючок необходим, чтобы именно им поймать доску и резко выдернуть её на себя. Для этого надо аккуратно перегнуться над ползущей прямо на уровне пояса цепью. А цепь состоит из специально выставленных над звеньями шипов. Эти шипы хватают доску, прижимают её к пиле и, проплывая мимо, горделиво уносят лучшую часть доски дальше по столу торцовки, а отпиленный обломок падает под стол, легко брошенный туда изящным движением руки Антонины. Каждый миг при неточном движении шип может зацепить одежду Антонины, например фартук, и вдавить её в лезвие пилы. Случаи такие были, и были не раз! Руку может захватить за рукавицу доской и шипом, и опять туда же. Неточное движение и просто можно второй рукой задеть чудовищное лезвие...

Но Тоня – мастер высочайшего класса. Когда она танцует, внешнему наблюдателю всё в её движениях кажется безумно лёгким и безумно изящным. Мелькают, как крылышки бабочки, ручки, летят под стол отпиленные облопки, весело бегают доски по столу – туда-сюда, тело женщины только красиво поворачивается вправо-влево на треть оборота, да ноги мягко меняют направления носков. Это подлинный танец! Танец весёлого крючка! Танец с досками! Под музыку ревушей от голода пилы. Она ненасытна! И этот танец на грани жизни и смерти длится все семь с половиной часов. Он захватывает! Он потрясает! Это одиннадцать тысяч высмотренных, проконтролированных, отобранных и точно обработанных досок в смену. От Тони вращающиеся вдоль стола барабаны катков отправляют доску на другой конец стола к Оксане. Она точно так же стоит перед гигантской ревушей пилой. Только у нее не правосторонняя, а левосторонняя стойка. Она торцует доски с другой стороны. И танец у неё такой же изящный и такой же точный, легкий, непрерывный! Только руки мелькают, только крючок сверкает в руке, как сабля, а пила продолжает орать. И надеяться попить подлинной крови. Пила – она любит человеческую кровь больше, чем смолу сосны. Она визжит от голода! Она охотится! Она готова в любой миг! Только зазевайся, только расслабься на секунду!

А откуда берутся доски на цепях торцовочного стола? Со стола приёмного их подаю на торцовочный стол я – рабочий на поштучной выдаче досок. Именно поштучной, и именно выдаче. И танец мой другой, но тоже смертельно опасный. Пилы рядом со мной нет. Но рядом

со мной колонна. Стальная. И если доска схваченная шипами цепей немного высунется за стол из-за моей оплошности, меня прижмёт к этому столбу и моментально раздавит мои бедра, с хрустом, безжалостно и навсегда. Я стою в специально выработанной стойке. Одна нога немного вперед. Одна рука – левая – в перчатке в любой момент готова вмешаться, а в основном служит для тонкой балансировки тела в момент основного движения в танце. Во второй руке – стальной длинный крючок, который я держу весьма необычным способом – здесь важна каждая мелочь, иначе кровавый мозоль за полчаса обеспечен! На каждую доску у меня две с половиной – три секунды. На столе приёмном лежит гора досок. Они падают на этот стол сверху, пачками с обрезных станций. Цепями, нажимая на педаль, включающую мощный двигатель, расположенную внизу у стола, пальцами правой ноги, я подтаскиваю очередную гору досок к краю стола. Они лежат переплетённые, внахлест. Длинной пять-шесть метров. Толщиной два-два с половиной сантиметра, шириной от пятнадцати до двадцати пяти сантиметров. Сырые. Я выбираю очередную – удобную для подачи – доску, и своим крючком поддеваю её за ребро – попадая точным движением точно посередине. Крючок очень острый и легко входит на полтора-два сантиметра в дерево. Теперь рывок всем телом. Включение мышц идёт почти такое же, как у метателя ядра. Только у метателя ядра оно идет от стопы до кончиков пальцев волной по всему телу, а у меня здесь наоборот – от кончиков пальцев руки, через плечевой пояс, мышцы спины, поясницу и бедра к ахилловым сухожилиям. Я буквально вырываю доску и поднимаю её над столом, вращая поперек, рассматриваю, как положить её оболом кверху, а затем резко выдираю крючок и прихлопывая сверху кладу её поперек движущихся цепей между шипов и обращаюсь к следующей доске, а только что положенная мной уже ползет в сторону Антонины в бесконечном ряду уже выложенных ранее досок. Со стороны кажется, что податчик досок пританцовывая печёт пирожки. Легко и просто. Мне эта простота давалась жестокими болями, опухшими руками, когда всю ночь или весь день я отсыпался с обёрнутыми в бинты руками, а потом, перехватив их тяжами снова шёл на смену. Цена этого искусства танца с досками необычайно высока. Через год люди, как правило, остаются без рук. В том смысле, что у них становятся хроническими растяжения сухожилий и другие серьёзные травмы. Но мне нравится моя работа. Я чувствую себя мастером своего дела. И я его люблю. О том, что неизбежно придёт, я не хочу думать. Я хочу работать именно здесь. Здесь наша группа танцует уверенно и мощно. Смена. Вторая смена – халтурим на бревнах. Потом одна смена – отсып. И снова торцовка! Восемьдесят децибел, когда не слышно крика рядом стоящего и орущего в ухо. Не совсем яркий свет. Сквозняк. Страшные, смертельно опасные цепи и пилы! Это – моя стихия! Это – моя поэма жизни! И у нас фантастически красивая группа. Мы в совершенстве владеем этим искусством. Мы сыграны. Мы понимаем друг друга с полуслова и вообще без слов. Мы торцуем одиннадцать тысяч досок в смену. Нам неинтересны подсчеты экономистов. Зарплата у нас стабильная и вполне нас устраивает. Тем более, что еще смен пятнадцать в месяц мы халтурим в других цехах. А иногда просят отстоять вторую смену подряд, если не вышел сменщик.

Мы молоды. Мы сильны!

Это наш цех. Это наша торцовка.

И здесь мы чувствуем себя востребованными и нужными.

Танцуем! И торцуем!

2

Мой учитель подачи досок – прекрасный маэстро из первого цеха. Его специально пригласили на три смены – обучать меня. Он красиво подаёт доски. Мне нравится его техника. Я рвусь в бой, а он останавливает меня: отдохни! Еще наподаёшься! Но мне стыдно просто стоять рядом. Я – ученик. Но я очень хочу уже работать. Наконец он отдаёт мне крючок и предлагает свое место широким жестом. Я пытаюсь попасть в доску крючком. Он делает это легким движением, а у меня ничего не получается. Но я упорен. С двадцатого раза стягиваю первую доску на стол, за ней ползут еще три, их разворачивает поперёк стола. Таня – сегодня она стоит слева от меня, смеётся. У тебя не получится! Не твоё это, говорит она. Вздыхает? «Господи, и где только такого уroda нашли?» Этого я ей не прощу никогда. Потом, через полгода она будет умолять меня встать с ней в бригаду. Но я откажусь. Мягко скажу ей: «Ну зачем же тебе урод на смене? Полно нормальных вокруг!» А пока всё это еще впереди. Вскрываю на стол, стучаюсь головой о потолок – он низкий – и быстренько поднимаю и разворачиваю доски, возвращаюсь на место подачи. Мой педагог улыбается: «Давай! Давай, Леха! Уважаю настырность твою!»

Через несколько минут мучений я сдаюсь – давай повторный курс молодого бойца! Он приступает. Все идет споро. Приёмный стол быстро пустеет. Что-то там на рамах случилось, раз доски не падают. Когда там – наверху – всё в порядке, доски падают непрерывно! Досок почти нет. Он передаёт крючок мне: пока досок мало – учишь, студент! Я и вправду студент. Студент философского факультета. Об этом здесь никто ничего толком не знает. Я ведь только пришел. Кто я есть, откуда взялся – никому не интересно. И мне это нравится. Жизнь с чистого листа. Я упираюсь. Вечером у меня будут очень сильно болеть мышцы. Но я давно не бегал и забыл это чувство смертельно уставших мышц. Рвусь в бой. Мне уже удалось подцепить пару досок и поднять вверх. Всё-таки легкоатлетическая история полезна. Техника иная, но смысл тот же: упорно тренируй тело и координируй его под поставленную задачу. Я утонул в этом искусстве. Я провалился в него всем, что во мне есть. Через три дня обучения уже никто не смеётся над новичком. Мы уже просто работаем вместе. Еще месяца два я буду набирать форму, спасая вечерами и ночами опухающие руки. Но всё увереннее мой крючок будет впиваться в ребра досок, всё безошибочнее будет мой глаз отыскивать самую удобную для подачи доску в завале. Всё быстрее и быстрее будет ритм моих движений в этом танце жизни и смерти. И бригада моя постепенно проникнется уверенностью: с Алексеем мы любые завалы одолеем. Конструкторы распределения поставов учитывают составы работающих на торцовках. Чтобы торцовка не держала потоки, самые производительные по доскам поставки дают на торцовки лучших бригад. Поэтому доски падают непрерывно, гроздьями, пучками... Они обрушиваются сверху с грохотом и мы встречаем их с упорством трехсот спартанцев. Вперёд, Лакедемоняне! Мы противостоям им с упорством троянцев. И как бы быстро не работали обрезные станции над нами, мы быстрее. Мы уже практически не пропускаем мест в ряду шипов на цепях. В каждый рядок доску, а когда постав на четыре дюйма – мы кладём и по две доски в рядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.